

О. Г. Кадочникова

АРХИЕПИСКОП КОНСТАНТИН ПРЕСЛАВСКИЙ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК ОГЛАСИТЕЛЬНЫХ СЛОВ СВЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКОГО

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье рассматривается предположение А. Вайана о том, что автором древнеславянского перевода Оглашений является еп. Константин Преславский. В статье сопоставлены языковые особенности изданных отрывков Оглашений и выявленные болгарскими учеными на основе оригинальной части Учительного Евангелия особенности языка еп. Константина. Исследование обнаружило как сходные черты, так и кардинальные отличия. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: древнеславянский, Константин Преславский, Кирилл Иерусалимский, Огласительные слова, местоимение в анафорической функции, дательный посессивный.

ARCHBISHOP KONSTANTIN OF PRES LAV AS POSSIBLE TRANSLATOR OF THE CATECHETICAL LECTURES OF ST. CYRIL OF JERUSALEM

O. G. Kadochnikova

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article explores a version of A. Vaillant, that the author of the Slavonic translation of Catechetical Lectures was Bishop Constantine of Preslav. The comparison of language of the translation to the original language features of Bishop Constantine demonstrated both similarities and fundamental differences. Refs 14.

Keywords: old Slavonic, Constantine of Preslav, Cyril of Jerusalem, Catechetical Lectures, pronouns in anaphoric function, dative possessive.

«Поучения огласительные и тайноводственные» (далее — **Поучения**), самое известное произведение святителя Кирилла епископа Иерусалимского (313–386 гг.), являются циклом из 19 бесед с христианами, собирающимися принять крещение (*φωτισομένων* — «просвещаемым, оглашаемым»), и 5 бесед — с уже принявшими крещение (*νεοφωτιστών* — «новообращенным»).

Популярность и доступность Огласительных поучений обеспечила их перевод на языки новообращенных народов на начальном этапе христианизации. Древнейшая рукопись славянского перевода — Хиландарские листки (далее — **Хил**), относимая большинством исследователей к началу XI в. [1, с. 79], представляет собой 2 листа сильно поврежденного пергамента, сохранившие конец Огласительного поучения третьего (далее — **Огл III**) и начало Огласительного поучения четвертого (далее — **Огл IV**). Достаточно полный перевод **Поучений** содержит рукопись XI–XII вв. — Поучения Кирилла Иерусалимского (далее — **Кириер**) (ГИМ, Син. 478), на её основе А. Вайаном критически издано Огласительное поучение второе (далее — **Огл II**) [2, с. 257–279]; полностью рукопись не издавалась.

Именно в **Кириер** (л. 270) находится приписка, которая позволила А. Вайану предположить, что автором перевода является Константин Преславский [2, с. 287]: *҃и помози рабѣ своємѣ. деѡдѡрѣ ꙗко коньчавъшѣмъ ꙗко книги сиѡ. даи немѣ бѣз оставление грѣховъ. ꙗко и раба бѣжѣа ꙗко коньчавъшѣмъ книги сиѡ ꙗко аминъ* [3, с. 48]. По мне-

нию А. Вайана, здесь упоминаются известные лица: переписчик монах Феодор Доксов — племянник князя Бориса [4, с. 380], *коньчавъший книги сия*, и переводчик Константин Преславский, *писавъший книги сия*. Рабы Божии Феодор и Константин фигурируют в другой приписке — к переводу сочинения Афанасия Александрийского, А. Вайан процитировал ее по наиболее правильному списку — рукописи 1489 г. № 968 собр. Погодина: Сиа книги благоустьныа наричѣмыа а данасъ повелѣнием княза нашего блзгарьска · именем сѣмевна · прѣложи а епѣпъ константинъ въ словѣньскы азыкѣ отъ грѣчьска · въ лѣто ѿ начала мирѣ · ҃҃҃ · ҃҃ · ҃҃ · ҃҃ · индѣ · ҃ · оученикъ сы меѡдеѣвъ архіепѣпа моравы напса же а тѣдоръ чърноризецъ дохъсовъ · тѣмъже кыназемъ повелѣнъ · на Ѹстии тыча · въ лѣто · ҃҃҃ · ҃҃ · ҃҃ · индѣ · ҃҃ [2, с. 287]. «Данное примечание, подробное и стилистически официальное, четко различает писателя и переписчика (оба лица значительные). Приписка из рукописи Кирилла Иерусалимского составлена проще, но она тоже может восходить к иноку Федору, который, возможно, копировал или просто завершил список книги Константина» [2, с. 286]. Далее следует вывод, что перевод **Поучений** принадлежит Константину Преславскому, наряду с «Учительным Евангелием» (далее — УЕ), датированным 893–894 гг., и «Словами против ариан» св. Афанасия Александрийского 907–908 гг. [2, с. 287].

В своей версии А. Вайан основывается не только на совпадении имен, но и на высоком уровне перевода, предполагая, что его автор должен был жить в начале Х в., быть славянином с богатым и даже изысканным словарным запасом, хорошим греко-славянским образованием, которое было невозможно получить вне Церкви. В эпоху становления письменности число славян, способных переводить и корректно интерпретировать святоотеческое наследие, должно было быть ограничено [2, с. 287]. Следовательно, на основании сходства имен в записях **Кириер** и рукописей «Слов против ариан» (№ 968 собр. Погодина и ГИМ, Син. 20) можно предположить имя ученика свт. Мефодия. В то же время А. Вайан предупреждает, что хотя приписка в **Кириер** «внушительна, но далека от предоставления решительного доказательства», почему необходимо системное сравнение языка Константина Преславского и перевода **Поучений** [2, с. 287].

Некоторые шаги в этом направлении сделаны болгарскими учеными. Так, в статье «За някои езикови особености в Учительното евангелие на Константин Преславски» [5] М. Тихова, изучая оригинальные части УЕ, вычленила три особенности языка епископа Константина: 1) перфект 3 л. без вспомогательного глагола *быти* в экспрессивных выражениях и при передаче информации из источников, вызывающих абсолютное доверие [5, с. 314]; 2) указательное местоимение в анафорической синтаксической функции [5, с. 322], т. е. в функции, в которой обычно выступают анафорические местоимения *иже, ѿже, жеже*; 3) энклитические формы *Д. п. мн. ч. ми, си, ти* в посессивной функции [5, с. 329].

Проверить употребление перфекта 3 л. по изданным отрывкам **Поучений** не представляется возможным. В **Огл II** из пяти глагольных форм в перфекте четыре имеют 2 л.: *сѡватѣѡлае* — *сѡтложи* ѡси (2.1)¹, *ѡпѡрѣѡса* — *любѡ дѣла* ѡси (6.2), *ѡмартес* — *сѡгрѣши* ѡси (7.15), *парѡѡнас* — *раздражи* ѡси (8.4); единственная форма 3 л. *ѡватрѣхе* — *възрашталъ са* *бы грѣхъ* (3.9) не подходит для анализа, так как перфект без вспомогательного глагола использовался для передачи информации

¹ Первая цифра указывает номер листа, вторая — строки по изданию А. Вайана [2].

из источников, не требующих подтверждения [5, с. 316], следовательно, не мог употребляться в сослагательном наклонении. А. В. Горский и К. И. Невоструев в своем описании рукописи **Кириер** также не упоминают употребления перфекта без вспомогательного глагола **быти** [3, с. 51–52].

Исследованию анафорических синтагм в оригинальной и переводной части **УЕ** посвящена работа К. Ивановой [6], в которой приведена подробная семантическая классификация примеров употребления приименных местоимений в пре- и постпозиции. Наблюдения над языком **УЕ** показали, что Константин Преславский пользовался речью живой, поэтому употребление указательных местоимений в качестве определенного члена занимает в его сочинении значительное место [6, с. 42]. Всего в переводных частях употреблено 99 анафорических местоимений, в оригинальных — 100, из них анафорических синтагм с постпозитивным указательным местоимением **сь** — 76, с **тъ** — 21, с **онъ** — 2 [6, с. 55].

Подобное использование указательного местоимения обнаружено В. Н. Щепкиным в Болонской Псалтыри: **псаломсь** (159.3), **чловѣкъсь** (224.2), **миръсь** (154.4), **грѣхъсь** (252.2) [7, с. 217]. Здесь местоимение **сь** уже «срослось» с именной формой и вызвало прояснение слабого редуцированного [8, с. 142]. При этом В. Н. Щепкин замечал, что данная черта была свойственна не только восточноболгарским говорам, но также некоторым западномакедонским [7, с. 217]. Передача членных греческих форм анафорическими синтагмами с местоимениями **тъ**, **сь**, **онъ** наблюдается в Изборнике 1073: **τὸ πάθος** — **страсть та** (16a7), **ὁ λόγος** — **слово се** (52г12), **ὁ... πλούσιος** — **богатыи онъ** (108a11), также в косвенных падежах: **ἐν τῷ τόπῳ** — **на мѣсто то** (226г3), **на μῆστῳ** **томъ** (258a3) и др. [9, с. 474]. Кроме того, авторы отмечают, что подобные примеры широко распространены в Шестоднев и встречаются в Супрасльском сборнике; данную норму считает особенностью преславских текстов А. Минчева [9, с. 474].

В изданных текстах **Поучений** местоимения **сеи** и **тои** встречаются 19 и 8 раз, из них анафорических — 4, все рассматриваемые синтагмы имеют соответствующий условному греческому оригиналу порядок: **οὐκ ἐμὰ ταῦτα τὰ διδάγματα** — **не моя соуть си оучения** (3.12–13); **ἐκ δύο τούτων** — **отъ дъвогю сего** (2BA24²); **τὸ ἰσχυρὸν τοῦτο τῆς σωτηρίας ὅλων** — **крѣпъжко се спасения оружие** (9.20); **οὗτοι οἱ θεοὶ σου Ἰσραὴλ** — **сии бзи твои, илю** (6.14).

Вряд ли подобный перевод можно рассматривать как особенность стиля, так как переводчик следовал оригиналу. Трудно сопоставлять переводной текст и особенности авторского стиля, представленные в оригинальном славянском произведении; в статье М. Тиховой упоминаются только две цитаты с отклонением от греческого порядка в пользу анафорических синтагм: **οὗτος ὁ νομικὸς** — **законникъ съ** (Мт. 22.35–40), **τὸν ἄνθρωπον** — **человѣка того** (Лк. 16.19–31) [5, с. 327, 328]. Поэтому при анализе особенностей употребления местоимений, вероятно, более эффективно рассматривать местоимения, не имеющие респондента в греческом условном оригинале или имеющие другую позицию относительно греческого текста.

В **Огл II** встречаются 11 случаев употребления местоимения там, где его нет в греческом оригинале. Большинство употреблений можно разделить на две группы.

² Обозначения приводятся по изданию С. М. Кульбакина [14]: первая цифра указывает номер листа, прописная буква — номер стороны листа, строчная — колонки, последние цифры — номер строки.

Ι. Глагол с указательным местоимением: κατέναντι δὲ κατοικίζει — прѣмо же оуслѣбѣть +и (5.8), παρεκάλουν φαγεῖν — молахоути +и асти (8.11), εἰσήκουσε κύριος — оуслыша +и гѣ (9.18), οὐκ ἠδύνατο εὐθέως ἐπαγαγεῖν τὸν θάνατον — не можааше ли абие навести +на нѣ сѣмрти (5.7).

Πα. Именная форма с указательным местоимением: τὸ περιστῶς στίφος τῶν στρατιωτῶν — стоаи окръсть +него плзкъз войскыи (7.17), τῷ κατέχοντι — държаштоуоумоу са +него (1.18), οὐκ εἰδὼς τὸν δεδωκότα τὴν βασιλείαν — не вѣды давѣшааго +иемоу црство (11.16–17); к данной группе может быть отнесено сочетание существительного с указательным местоимением: μετὰ τὴν τοῦ Ἀβεσσαλῶμ ἐπανάστασιν — по авессаломли вѣстании +на нѣ (8.13–14).

Πβ. Именная форма с притяжательным местоимением: ὁ τὸ τίμιον αἶμα ὑπὲρ ἡμῶν ἐκχέας — пролинавѣ за ны чѣстьноую +свою крѣвь (4.6–7), ἔρρηξε τὰ ἱμάτια — раздѣравѣ ризы +своа (9.4).

Однократно встречается добавление к глаголу личного местоимения: αὐτάρκες γὰρ εἰς ἰατρείαν τὸ σὲ μνησθήναί μου — довзлѣтъ во +ми на исцѣлѣние еже ты ма поманеши (10.2–3).

Первые три прибавления первой группы являются прямыми дополнениями. Поскольку прямое дополнение зависит от семантики переходного глагола [10, с. 429], то данные прибавления могут быть связаны с выражением славянской грамматической нормы в отношении переходных глаголов, несоблюдение которой могло затемнить смысл предложения. Так, в предложении: Сѣмрти са манаси и исповѣда са гѣу, и оуслыша +и гѣ (9.18–19) — местоимение выступает в роли прямого дополнения и не имеет разночтений по спискам. Можно предположить, что переводчик стремился указать объект, на который направлено действие, хотя два следующих прибавления показывают, что неизвестный греческий оригинал не исключен. В предложении: Нѣ члѣколюбѣць изгониъ из-д-раа, прѣмо же оуслѣбѣть +и (5.8) — добавленное местоимение и в списке другой редакции отсутствует [2, с. 265, прим. 130]. Подобная ситуация наблюдается во фразе: Боларе, [рече], молахоути +и асти хлѣбѣ (8.11), где местоимение не читается в нескольких списках [2, с. 271, прим. 224].

В предложении: Ослуша са адамъ бѣ. не можааше ли абие навести +на нѣ сѣмрти (5.6–7) — совпадение форм 2 и 3 л. имперфекта не позволяет установить агенс в придаточном предложении. В **Огл II** есть случаи, когда подобное совпадение устраняется заменой имперфекта перфектом [2, с. 301], но здесь переводчик нашел более изящный способ, указав объект действия. Прибавление во фразе довзлѣтъ во +ми на исцѣлѣние (10.2–3) может быть отнесено к первой группе, так как также называет подразумеваемый контекстом объект действия, выражаемого глаголом.

Во второй группе греческие именные формы с артиклем переводятся, как и в **УЕ**, именной формой с указательным местоимением, но в **Поучениях** используются другие типы местоимений. В группе Πα именные формы с артиклем переводятся именной формой с местоимением и. В оригинальной части **УЕ**, как было рассмотрено выше, в данной функции часто использовались местоимения сѣ, тѣ, онѣ [5, с. 322; 6, с. 55]. В группе Πβ те же сочетания переведены именной формой с притяжательным местоимением.

³ Знаком (+) отмечается древнеславянское слово, не имеющее соответствия в греческом оригинале.

Следует заметить, что в обеих группах прибавление местоимений снимает возможную двусмысленность: *κατέναντι δὲ κατοικήσει* — *прѣмѡ же оусѣлѣиеть (кого?)* +и (5.8), *τὸ περιεστὼς στίφος τῶν στρατιωτῶν* — *столи окръсть (кого?)* +него *плъкъ войскыи* (7.17), *ὁ τὸ τίμιον αἶμα ὑπὲρ ἡμῶν ἐκχέας* — *проливавъ за ны чъстьнуюю (чью?)* +свою *кръвь* (4.6–7). Что позволяет предположить как интуитивное стремление к уточнению текста, так и отражение некоторых технических приемов перевода. Например, добавление объекта при переходном глаголе и перевод артикля местоимением можно рассматривать в качестве переводческих приемов. В любом случае приведенные примеры показывают различие в работе со славянским языковым материалом в **УЕ** и **Поучениях**.

Конструкции с энклитическими формами личных и возвратного местоимений Д. п. *ми*, *ти*, *си* в посессивной функции, также представляющие частный случай анафорических синтагм, — балканская черта болгарского языка, присущая Преславской школе письменности и отмеченная А. Минчевой в гимнографических текстах, созданных Константином Преславским [5, с. 329]. В исследованных М. Тиховой беседах **УЕ** таких конструкций 10 [5, с. 329], автор разделяет их на три группы, в зависимости от положения энклитики: 1) перед субстантивом и непосредственно после глагола: *πομιλοуи ми дъщерь* (123с6–13); 2) дистантная относительно субстантива: *кто ми кѣтъ искрънии* (161с17–21); 3) в постпозиции относительно субстантива и дистантная относительно глагола — конструкция, представляющая так называемый «дательный падеж двойной зависимости с посессивным значением», типичная только для болгарского языка и Преславской книжной школы [5, с. 330]: *въ любъви си показа* (189а14–19).

В **Огл II** встречаются 14 конструкций с энклитической формой личных и возвратного местоимений в Д. п.: *си* — 3, *ми* — 3, *ти* — 8. Во всех случаях местоимение занимает постпозитивное положение, порядок слов греческого оригинала сохраняется. Большинство употреблений энклитик в Д. п. относится к глагольному управлению, например: *ὑπόθου μοι* — *сѣкажи ми* (1.19), *ἴνα σοι ἀφεθῇ, ἴνα σου περιέλῃ τὰς φλόγας* — *да ти са отъдасть. да ти са ѡтметъ пламы* (10.9) и др., где местоимения выступают в качестве дополнения при глаголах, требующих Д. п. [10, с. 462]. Имеется два случая морфологической омонимии, когда формы указательных местоимений совпадают с формами возвратного и личного местоимений: *ταῦτα τὰ διδάγματα* — *си* (указ. местоим. в В. п. мн. ч.) *оучениа* (3.12–13), *αὐτοὶ ἐζήτησαν* — *и ти* (указ. местоим. в И. п. мн. ч.) *възикаша* (1.14). Одна фраза представляется довольно темной: *οὐ μόνον δὲ τοῦτου σὺ ἀρχηγὸς* — *не тѣчыж же сѣбѣ ти начатыкъ* (2.13), исходя из оригинала, следовало бы ожидать *ты* вместо *ти*. А. Вайан комментирует данное место так: «лакуна примерно в одну строку в архетипе всех славянских рукописей, где *ти* может являться концом поврежденного слова» [2, с. 259, прим. 42], следовательно, данное чтение трудно признать достоверным. Фразы *ποῦ σου θάνατε τὸ νίκος. ποῦ σου ἄδη τὸ κέντρον* — *къде ти сѣмръти повѣда. къде ти аде стрѣкало* (1Ва7–9) и *ἄληπτόν σου παράστησον τὸν τρόπον* — *безазорьноу си прѣдъстави штоудъ* (7.3), в терминологии М. Тиховой, могут рассматриваться как «посессивная конструкция с дистантной позицией относительно существительного» (п. 2). Следует заметить, что первое чтение является стихом 1Кор.15:55, имеющим разночтения относительно выбора и порядка существительных, но во всех известных четых списках употребленным с дательным принадлежности: *къде ти смръти повѣда. кде ти аде жало*, только в Сбор-

нике Григория Богослова по списку XI в. читается: кѣде твои остьнь, сѣмрѣти? кѣде твоѣ одолѣнїе, аде? [10, с. 262].

Чтение в **Огл II**: τόπον σου μὴ ἀφῆς (Екк. 10:4) — места си не остави (2.15) — представляет собой яркий пример «дательного двойной зависимости» (п. 3), рассматриваемый М. Тиховой как сугубо преславская черта [5, с. 330]. Хотя несогласованное определение в Д. п. (Dativus Possesivus) с вариантами в Р. п. и притяжательным местоимением спорадически встречается уже в древнейших Евангелиях: оузрѣ... ївана брата ємоу (Мт. 4.21; **Мар, Зоґр, Сав**) (его — **Ас**), ꙗко сынъ ти живъ єсть (Ин. 4.51; **Мар, Ас**) (твой — **Зоґр**) [10, с. 428], местоимение си начинает регулярно употребляться в памятниках второго периода старославянского языка — Синайском евхологии, Саввиной книге и Супрасльской рукописи [12, с. 176].

В **УЕ** Dativus Possesivus употребляется всего 10 раз, в **Огл II** на 4 употребления (два из которых могут быть цитированием) дательного принадлежности приходится 16 случаев перевода подобных сочетаний притяжательным местоимением, два из них представляют собой уже встречавшиеся прибавления: ὁ τὸ τίμιον αἵμα — ѡстынюю + свою крѣвь (4.6–7), ἔρρηξε τὰ ἱμάτια — раздравъ ризы + своа (9.4), διὰ τὰς ἀμαρτίας σου — за грѣхы твоа (3.16), ἐν ταῖς ἡμέραις σου — въ дѣни своа (3.15), τὴν ἀμαρτίαν μου — грѣхъ мои (5.1), τὴν ἀσέβειαν τῆς καρδίας μου — нечѣстье срдца моего (5.2) и др. Следует заметить, что все случаи перевода форм Р. п. σου и μου притяжательным местоимением приходятся на словосочетания с артиклем, тогда как энклитикой в Д. п. переведены не имеющие артикля конструкции. Можно предположить, что Dativus Possesivus выражал в **Поучениях** не только принадлежность к какому-либо объекту, но и неопределенность последнего. Проследить нечто подобное в **УЕ** на данном этапе не представляется возможным, так как исследования, посвященные особенностям языка Константина Преславского, касаются оригинальных, а не переводных частей **УЕ**. Таким образом, в результате сравнения данных исследований языка Константина Преславского и изданных частей **Поучений** между ними было обнаружено некоторое сходство: четыре анафорические синтагмы с местоимением си и четыре случая употребления дательного принадлежности.

Однако среди анафорических синтагм нет несоответствующих греческому переводу, там же, где порядок оригинала нарушен и имеется возможность употребить указательное местоимение в анафорической функции, используется притяжательное местоимение.

Бесспорных употреблений дательного принадлежности два, что дает основание предположить если не авторство Константина Преславского, то хотя бы влияние Преславской школы письменности. При этом в употреблении дательного принадлежности и притяжательных прилагательных в **Огл II** наблюдается использование переводческого приема, не отмеченного исследователями **УЕ**: посессив в **Огл II** используется только для перевода форм без артикля.

Литература

1. Георгиевски Г. Хилендарските ливчиѣна // Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970. Кн. 2. С. 67–80.
2. Vaillant A. La traduction vieux-slave des Catéchèses de Cyrille de Jérusalem // Byzantinoslavica. Vol. IV, N 2. 1932. S. 253–302.
3. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 2: Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859.

4. *Робинсон А. Н.* Болгарская литература [до начала XIV в.] // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 378–389.
5. *Тихова М.* За някои езикови особености в Учителното евангелие на Константин Преславски // 1100 години Велики Преслав. Шумен, 1995. Т. 2. С. 313–333.
6. *Иванова К.* Приименна употреба на показателните местоимения в Учителното Евангелие на епископ Константин Преславски // Преславска книжовна школа. Т. 2. Шумен, 1997. С. 41–56.
7. *Щепкин В. Н.* Болонская псалтырь. СПб.: Издательство Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 1906. 304 с.
8. *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М.: Высш. школа, 1981.
9. *Баранкова Г. С., Пичхадзе А. А.* О некоторых языковых особенностях протографа Изборника Святослава 1973 г. // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1990. Т. LXIX, № 5. С. 469–476.
10. *Минчева А.* Второстепенни части на изречението // Граматика на старобългарския език / И. Дуриданов (гл. ред.), Е. Дограмаджиева, А. Минчева и др. София: Изд-во Болгарской Академии Наук, 1991.
11. *Воскресенский Г. А.* Древнеславянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879.
12. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностр. лит., 1952.
13. *Навтанович Л. М.* Синтаксис // Старославянский язык / С. А. Аверина, М. Б. Попов, Л. М. Навтанович и др. СПб.: СПбГБС, 2009.
14. *Кульбакин С. М.* Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI в. с четырьмя фототипическими снимками // Памятники старославянского языка. СПб., 1900.

Статья поступила в редакцию 14 августа 2014 г.

Контактная информация

Кадочникова Оксана Геннадьевна — соискатель; xen.gen@yandex.ru

Kadochnikova Oksana G. — post graduate student; xen.gen@yandex.ru